

Ю. И. Шаповал

АЛЕКСАНДР ШУМСКИЙ: СУДЬБА НАРКОМА В ИМПЕРИИ «ПОЗИТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ»

Об Александре Яковлевиче Шумском, одном из самых ярких и противоречивых деятелей политической истории Украины XX в., наркоме образования Украины в 1924–1927 гг., в современной Украине знают мало. До определенной меры он поныне – таинственная фигура. Многие его поступки еще предстоит «дешифровать» и надлежащим образом интерпретировать исследователям.

Происхождение и путь в революцию

Он появился на свет 21 ноября 1890 г. в селе Турчинка на Житомирщине. То ли наученный суровой советской анкетной практикой, то ли по каким-то другим мотивам, но свое подлинное происхождение Шумский скрывал – написал, что происходит «из семьи батрака». На самом деле его отец Яков Данилович работал лесничим у помещика Михаила Муравьева. Последний, известный на Житомирщине крупный и просвещенный землевладелец, кстати, основал железнодорожную станцию. Кроме земли, владел он еще и лесами. Как раз для транспортировки леса по железной дороге и нужна была ему станция, которая сегодня называется Новая Боровая, а раньше называлась Турчинка. Известно, что, по крайней мере, три поколения предков Александра Шумского были священниками.

Иногда пишут, что образование у Шумского – два класса церковно-приходской школы. Это не соответствует действительности. Профессиональная школа, которую он закончил в 1906 г. в селе Салы, имела два уровня. Обучение продолжалось пять лет. Основными предметами были русский язык, Закон Божий, арифметика, чистописание, церковное пение. Кроме того, ученики получали начальные знания по географии, русской истории, природоведению. Уровень знаний был таким, что позволил Шумскому экстерном сдать экзамены за среднюю школу, получить аттестат зрелости в Москве и учиться в университете.

Перед тем он успел поработать на мощных в то время на Житомирщине лесопильных заводах Готесмана и Брехмана. Еще в молодости Шумский выучился на техника-мелиоратора, работал и землемером. В 19 лет он присоединяется к рабочему движению. Здесь, в районе Коростень-Чернихово, он впервые принимает участие в забастовке на заводе, где работал.

В 1911 г. Шумский едет в Москву. Не имея достаточно средств на учебу, он посещает вечернее отделение первого в России демократического вуза – Народного университета имени Шанявского. Однако из университета Шумский уходит. Его все больше вовлекает в свой водоворот революция. В Москве он входит в кружок социалистов-революционеров. В конце 1916 г. по дороге из Петрограда в Киев его задерживают с нелегальной литературой, арестовывают, а затем отправляют на фронт, непосредственно в район боевых действий. В 1917 г. начинается его движение вверх по политической лестнице. Его симпатии на стороне украинских социалистов-революционеров, эсеров, которые с 1917 г. в Украине – фактически наиболее влиятельная политическая сила, самый крупный соперник большевиков.

От эсера до боротьбиста

Первая мировая война ускорила процесс «из крестьян – в нацию», и для многих одетых в военные мундиры крестьян в окопах впервые встал украинский национальный вопрос.

Во время февральской революции 1917 г. в России А. Шумский избирается делегатом корпусного, армейского, а затем и фронтового съездов солдатских комитетов. В конце ноября 1917 г. его включили в состав Центрального комитета Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР). Его избирают в парламент Украины – Украинскую центральную раду (УЦР). Впоследствии он – один из наиболее авторитетных лидеров левого течения этой партии – так называемых боротьбистов. Название это происходит от названия газеты «Боротьба», которую издавали левые эсеры.

Левые эсеры – члены УЦР – имели свое мнение по поводу политики тогдашнего руководства Рады. Похоже, именно в этот момент А. Шумский делает принципиальный выбор: ему не импонируют деятели Рады. Они много говорят и мало действуют, провозглашают, возможно, и правильные законы, но не реализуют их.

Его и его товарищей по фракции в Центральной Раде (Василь Элан-Блакитный, Михаил Полоз, Гнат Михайличенко и др.) прежде всего не удовлетворяла аграрная политика УЦР. Они требуют отмены частной собственности на землю, установления «государственного рабочего контроля» над промышленностью и т. д. Всего того,

что провозгласили большевики, придя к власти в конце 1917 г. Итак, А. Шумский и его друзья не за власть Центральной рады, а за власть советов.

16 января 1918 г. в большом зале Киевского педагогического музея, где заседала УЦР, вместе с шестью левыми эсерами Александр Шумский был арестован. Арестован как сторонник сотрудничества с большевиками. Составили комиссию, и комиссия выяснила, что большевики – в случае своей победы – кое-кому из мятежников якобы пообещали должности в будущем правительстве.

Как и другие арестованные, А. Шумский находился не в тюрьме, а в стенах педагогического музея: мятежников просто закрыли в клубе УЦР. И неизвестно, как сложилась бы судьба арестованных, если бы не наступление войск Михаила Муравьева на Киев. Вот что писала об этом эсеровская газета «Боротьба»: «В четверг 25 января заседания открылось в 3 часа 20 минут. Председателем М. Грушевский. Все заседание шло под непрерывные взрывы гранат и шрапнели... Большевицкая пушка достаточно пристрелялась... и гранаты стали попадать в дом Педагогического музея. Депутаты сейчас же вышли... и под снарядами разошлись по домам... Той же ночью большевики заняли Киев».

Итак, за свою позицию Шумский мог расплатиться жизнью. Однако судьба улыбается ему. Когда М. Муравьев начал штурм Киева, разбежались не только тогдашние народные избранники, но и охрана. Шумский с товарищами просто сбежал. А вскоре по партийным делам он переехал в Житомир. Здесь он формирует структуры боротьбистов и окончательно превращается в лидера этой партии, которая должна, по его твердому убеждению, быть украинской по характеру и отеснить большевиков.

Итак, Шумский принимал участие в заговоре против УЦР. Вот здесь бы и заклеить его как пробольшевистского деятеля, но не все так однозначно. Советская власть еще не означает большевистско-московская. В 1918 г. он характеризует присутствие большевиков в Украине как «наскок». Позже он скажет: «Наша постановка – отдельная Украинская Социалистическая Советская Республика, подчиненная общему Федеративному советскому центру». Заметим: не ОДНА республика, в которую войдут другие, а федерация ОТДЕЛЬНЫХ, НЕЗАВИСИМЫХ республик. Это – политический идеал боротьбистов. Это – идеал Шумского, который был одним из основателей Украинской коммунистической партии (боротьбистов), которая возникнет из течения боротьбистов позднее, в августе 1919 г.

В Житомире Шумский издавал боротьбистскую газету «Молот». Здесь же заседал Волинский земельный комитет, главой которого избрали Шумского. Итак, побыв во власти законодательной, то есть в Центральной Раде, и даже приняв участие в подготовке земельного

закона, он оказался во власти исполнительной, которая землей распоряжалась. Кстати, у Шумского тогда уже была семья: жена Людмила, учительница, и трое детей: девочка и двое мальчиков.

Тем временем политическая ситуация изменяется. В апреле 1918 г. немцы, приглашенные УЦР для спасения от большевиков, ее разогнали. К власти приходит бывший царский генерал, а ныне гетман Павел Скоропадский. Левые эсеры решают продолжать борьбу в подполье. Теперь Шумский против гетманщины, которую трактует как монархическую и буржуазную. На Житомирщине он организует антигетманское движение. Именно тогда в доме у родителей в селе Турчинка его едва не арестовали представители гетманской Державной стражи и немцы. Он чудом спасся, хотя его могли попросту убить.

Вскоре гетманщину сменяет Директория. Шумский вновь в борьбе. Позже он напишет: «После падения гетмана Директория созвала в Киеве съезд “Трудовых Советов”. Будучи на нелегальном положении, я прошел на этот съезд, получил слово под чужой фамилией и расконспирировал себя лишь на трибуне, когда меня уже нельзя было лишить слова без политического скандала. Долго, однако, мне не удалось говорить. Меня стянули с трибуны, побили и осудили на расстрел за изобличение политики Директории... Съезд был расколот и сорван. А жизнь моя уцелела благодаря счастливой случайности».

Усилия Шумского оказались ненапрасными. Боротьбисты превратились в серьезную силу, которая претендовала на политическую гегемонию в Украине. Кто-то сказал, что политика – это искусство возможного. Похоже, боротьбисты считали: политика – искусство невозможного. Например, в 1919 г. они хотели (и имели для этого военные силы) захватить Киев, войти туда первыми, раньше большевиков, чтобы подчеркнуть, кто на самом деле должен быть первым в Украине. Большевики понимают: у них появился реальный конкурент.

В феврале 1920 г. боротьбисты обращаются к высшей руководящей инстанции компартий всего мира – к Исполнительному комитету Коммунистического Интернационала с просьбой принять их в Коминтерн. Боротьбисты стремятся быть равными с большевиками на международном уровне. Они вместе с коммунистами всего мира, они с Москвой, но стремятся к отдельному, независимому статусу.

Заволновался лидер большевиков Владимир Ленин. Тогда же в феврале 1920 г. он пишет секретную резолюцию о необходимости уничтожения боротьбистов как политического течения. Тем не менее публично большевики декларируют: «Настоящим коммунистическим элементам боротьбистов никто не препятствует вступить в ряды КПУ (большевиков)».

Перед Шумским возникла дилемма: либо противостоять большевикам, либо идти им на поклон. Ведь боротьбисты моментально теря-

ли статус отдельной украинской партии и превращались в членов областной структуры Российской компартии. Учитывая популярность и силу боротьбистов, Шумский со своими единомышленниками избрывает новую стратегию: «Мы вольемся, разольемся и зальем большевиков!» Записка такого содержания, написанная на русском языке Василием Эланом-Блакитным, ходила среди делегатов последнего, «прощального», съезда боротьбистов.

Весной 1920 г. партия боротьбистов входит в КП(б)У (или, как тогда говорилось, «объединяется») и передает ей большое количество руководящих украинских кадров. Тем не менее «объединение» не было массовым: из 15 тыс. боротьбистов в Коммунистическую партию приняли чуть более 4 тыс. Уже осенью 1920 г. при перерегистрации КП(б)У почти все они были исключены из ее рядов, а после партийной чистки в августе 1921 г. боротьбистов в КП(б)У осталось 118 человек. Итак, никого боротьбисты не залили. Шумский, который вместе с Блакитным являлся сторонником слияния с большевиками, по сути, принес выпестованную им партию в жертву. И здесь вопрос: зачем он это сделал? Ради чего? На что рассчитывал?

Во время военных действий Шумский занимается мобилизацией человеческих и хозяйственных ресурсов. С этой целью в апреле 1920 г. выезжает в Полтавскую губернию, а в июне – в Одессу, возглавляет губернские революционные комитеты, позднее входит в состав реввоенсовета 12-й армии. Бурлит война. И в этой трагической симфонии для Александра Шумского звучит своя, совсем не трагическая, нота. Его женой стала Евдокия Гончаренко. К тому времени ей исполнилось 22 года. Шумскому – 30. У них рождается сын Ярослав.

Тем временем Шумский возглавляет Киевский губернский революционный комитет, входит в состав советской делегации на Рижских переговорах о мирном договоре с Польшей в октябре 1920 г. А вскоре они оказываются в Варшаве. Там Шумский в 1921–1923 гг. возглавляет Полномочное представительство Украинской Социалистической Советской Республики.

Битва за «украинизацию»

С началом 1920-х гг. большевики вынуждены идти на определенные компромиссы с обществом. Они отменяют непопулярный «военный коммунизм» и переходят к новой экономической политике (нэп). Следующим шагом становится образование в декабре 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Украина получает статус пусть и формальной, но государственной единицы. Это – отдельная администрация, территория, государственные и обществен-

ные структуры. В 1923 г. начата политика «коренизации», а значит и «украинизации». Для А. Шумского, который верит, что не большевики, а боротьбисты должны руководить Украиной, это шанс.

Политику «украинизации» выдумали не украинские «националисты» и не «национал-коммунисты», скажем, такие как Шумский и Хвылевой. Первые попытки «украинизации» начались еще в период Украинской Народной Республики. Теперь большевикам, которые пришли к власти под лозунгами социальными, пришлось реагировать и на прежние национальные требования, которые остались со времен УНР и Директории. И вот родилась политика под общим названием «коренизация». Она пришла из московского центра. Решение о ней принял XII съезд РКП(б) весной 1923 г. Для большевиков это – не стратегия, а тактика. Тактика «коренизации» коммунизма на нерусских окраинах.

По переписи населения 17 декабря 1926 г., в Украине жило более 29 млн человек, из них украинцев – более 23 млн, русских – 2 млн 700 тыс., евреев – более 1,5 млн человек. Украинский язык признали родным более 22 млн, русский – около 4,5 млн. В городах Украины украинский признали родным почти 2 млн человек, в селах – более 20 млн.

Вопрос: кого собственно «украинизировать»? Прежде всего – чиновников, партийно-государственный аппарат, который в основном состоял не из украинцев. Недаром же в 1923 г. на XII съезде РКП(б) Бухарин по составу назвал Компартию большевиков Украины русско-еврейской.

Первого октября 1924 г. Шумского назначают народным комиссаром образования Украины. Наркомат образования, а значит, прежде всего, нарком отвечал, по меньшей мере, за три сферы. Во-первых, это проведение «украинизации» учебных заведений – от школ до вузов. Во-вторых, обеспечение того, чтобы украинский язык был языком не только народа, но и стал языком всего созданного большевиками в Украине государства, всех его структур, делопроизводства, языком партийно-государственного аппарата. В-третьих, это развитие украинской культуры и культур других народов в Украине.

С Шумским – однопартийцы, Николай Гринько, Василий Элан-Блакитный, Михаил Яловый – «бывшие», или «националы». Так именуют боротьбистов и выходцев из других политических партий большевики, «руководящее русское меньшинство», как скажет о них Шумский. Один из заместителей Шумского – Петр Солодуб (вторым был эстонец Ян Ряппо) не был боротьбистом, но публично заявлял, что с 1923 г. украинская государственность не укрепляется, а наоборот, ограничивается. В системе наркомата работал и молодой экономист Михаил Волобуев. Шумского со временем объявят отцом

так называемого шумскизма, а Волобуева сделают основателем так называемой волобуевщины.

Проведение «украинизации» стало ключевым делом Александра Шумского как наркома образования. Но не все было просто. «Украинизация» породила особый жанр – так называемые украинизационные анекдоты. Вот один из них:

Сидят за разговором двое «украинизированных».

– Ну и трудное это наречие малороссийское!

– Это не наречие и не междометие, а предлог...

– Предлог?

– Предлог, предлог... Чтобы нас выкинуть из службы.

Не хотят чиновники и партаппаратчики украинизироваться – фактически все за украинизацию, но на практике очень и очень малый эффект. И здесь на помощь пришел деятель, который вскоре сыграл фатальную роль в судьбе Александра Шумского.

В 1925 г. ЦК КП(б)У возглавил 32-летний еврей с Киевщины Лазарь Каганович. «Каганович заправляет в партии», – так говорили о нем в Украине в середине 1920-х гг.¹ Каганович вначале содействовал проведению «украинизации» в тех пределах, которые этой политике отводил Сталин. Тем не менее процесс начинает выходить из-под партийного контроля. Культура приобретает черты духовной индустрии. Формируется национальная урбанистическая культура. Появляются нормальные издательства. Литературная продукция и периодика получают значительно более широкую, чем когда-либо, аудиторию. Возрос уровень образования этой аудитории. В литературе появляется большое количество писателей и интеллектуалов, чья деятельность отмечена небывалой вспышкой творческой активности. Возникает разнообразие стилевых направлений, многочисленные творческие группировки.

Николай Хвывлевой (Фитилев), которого сами писатели признают лидером тогдашнего культурного процесса, своими эпатажными памфлетами провоцирует дискуссию. При поддержке Шумского и других чиновников она выходит за рамки литературы. В среде украинских политиков и интеллектуалов все более отчетливо формируется мысль, ярко сформулированная Михаилом Полозом: «Выросла нация до такой степени, когда ей пора по экономическим предпосылкам и по ее культурному уровню выходить на арену государственной жизни».

¹ Энергичный, требовательный, эффективный в осуществлении сталинской воли Каганович пробудет в рядах большевистской партии 80 лет. Его смерть в конце июля 1991 г., накануне коллапса Советского Союза и краха Компартии, воспринимается как символ конца старой эпохи и начала кардинальных перемен.

Это пугает московских руководителей и сталинского эмиссара Кагановича, но вдохновляет Шумского: по его твердому убеждению, «украинизация» должна была решающим образом повлиять на становление украинской нации. В октябре 1925 г. он обращается к Сталину, с которым был знаком со времен Гражданской войны, с просьбой дать украинцам возможность самим себе избирать лидеров. Он резко критикует стиль руководства Лазаря Кагановича, уличая его в авторитарных методах и непоследовательности «украинизационных» усилий.

20 апреля 1926 г. Шумский еще раз был у Сталина, напомнил о своем видении ситуации. Результатом стало сталинское письмо от 26 апреля 1926 г. членам партийного «синклита» – Политбюро ЦК КП(б)У во главе с Кагановичем. Последний смертельно оскорблен и разворачивает кампанию против Шумского, обвиняет его в формировании «национального уклона».

– А почему вы так не любите слово малороссы? – спросил однажды Шумского «всеукраинский староста» Григорий Петровский. Ответ был следующий:

– Почему я не люблю шкурнический изменнический тип малороссийства? Да потому что он во все века был беспринципным, холуйским и предательским. Потому что сейчас он называет себя коммунистом, кричит об интернационализме, но шкура его малороссийская прежняя.

Прошло время, и вдруг Петровский напомнил Шумскому о том давнем разговоре: «Имейте в виду. Партия никогда не простит вам “малороссов”. Вы за это обязательно поплатитесь».

Расплата

Сначала Лазарь Каганович лично не участвовал в полемике с Шумским. Он делал это руками своих адептов, руками малороссов. А в полемике этой в ход пошли «вечные» аргументы – и о «насильственной украинизации», и о притеснениях русскоязычного населения. Однако вскоре генсек ЦК КП(б)У переходит в атаку. В 1926 г. на заседании Политбюро он фактически обвиняет Наркомат образования в украинском национализме, поскольку, дескать, ущемлялись права национальных меньшинств в Украине. В начале 1927 г. Каганович констатирует невероятный развал в работе Наркомата образования. Не дожидаясь официального увольнения, амбициозный Шумский подает заявление об отставке. В феврале 1927 г. его вытесняют из Украины.

В начале того же года в защиту Александра Шумского публично выступил Карл Максимович, один из руководящих деятелей Компар-

тии Западной Украины (КПЗУ). Его позицию поддержало большинство Центрального Комитета КПЗУ. Деятели КПЗУ запротестовали против отзыва Шумского из Украины даже на заседании Коминтерна. Это был настоящий бунт на корабле, ведь КПЗУ, т. е. украинские коммунисты, в польской Восточной Галиции финансировались из московских источников. КПЗУ со временем уничтожат по сталинскому указанию. А Шумского в начале 1927 г. направляют в Москву в распоряжение ЦК ВКП(б). Вскоре он окажется в Ленинграде.

В июле 1927 г. один из бывших руководителей Украинской УНР Владимир Винниченко, который из своей эмигрантской дали наблюдал за расправой над Александром Шумским и его единомышленниками, записывает в своем дневнике: «Сепаратизм не сепаратизм, а довольно интересное и отрадное явление: ЦК КП(б)У жалуется Исполкому Коминтерна на группу членов своей партии во главе с Шумским, которая хочет силой украинизировать национальные меньшинства на Украине, которая не доверяет партии в национальной политике, которая стремится, очевидно, к действительной самостоятельности и называет других “малороссами”, “ренегатами”. Я этого ждал давненько уже».

Тем временем Шумского в Ленинграде назначили ректором Института народного хозяйства. Впоследствии он будет ректором Ленинградского политехнического института. Однако он не исчезает с украинской орбиты. Он остается центром тяготения, к нему постоянно едут его единомышленники. Даже критически настроенный к нему Петр Солодуб вдруг констатирует: «Идеологически мы становились все ближе и ближе. Шумский мне как-то заявил: “Тогда через два-три нас вернут на Украину”...»

Свое изгнание Шумский объяснял тем, что в Украине временно господствуют пророссийские силы. Он оставался оптимистом и убеждал друзей: «Через год-два они... сами увидят, что натворили, будучи оторванными от украинской стихии (в лице крестьянства, интеллигенции)...» Он не терял надежды на то, что ему предоставят возможность вернуться на ответственную политическую работу.

Этого не произойдет. 13 мая 1933 г., в тот самый день, когда Николай Хвылевой покончит самоубийством в Харькове, Шумского арестуют. Это произойдет на станции Толмачево Лужанского района Ленинградской области.

Против Шумского выдвинули бессмысленное обвинение в участии в «Украинской военной организации» («УВО»). И с этого момента Шумский понял: ему самому придется бороться за собственную реабилитацию. Так и будет в течение последующих лет.

Это отдельная, подчас просто фантастическая история. Шумский не подписал ни одного фальшивого протокола. С первых дней ареста он атакует следователей, доказывая, что все обвинения против него

сфабрикованы. Протесты Шумского, настойчивые требования публичной реабилитации приносят невероятный результат: он вырывается из «страны мук и отчаяния» – из Соловков. 10 декабря 1935 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР его дело пересмотрено. Теперь дорога стелется в Красноярск, где его ждет 10-летняя ссылка.

Сравнительно недавно мне первому из исследователей пришлось изучить дело-формуляр на Шумского, заведенное в 1940 г. Фактически это материалы ежедневной слежки за очень больным Шумским в Красноярске, а потом в Саратове. Они свидетельствуют: власть не доверяла ему ни в чем. Под сомнение было поставлено даже то, действительно ли он болен, а он в течение шести лет был прикован к больничной койке.

Его жена Евдокия Гончаренко помогала ему, но сама попала в ссылку в Саратов в апреле 1935 г. За ней следили, подозревая в связях с бывшими эсерами. Ее уничтожили в 1937 г. Убили за слова, за фразу: «Это – единственная книга, в которой положительно поданы дети интеллигенции». Речь шла о повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий». Евдокию Гончаренко обвинили в том, что она дискредитировала советскую литературу. Результатом стал расстрел. Их сына Ярослава Шумский в последний раз видел в 1933 г. В 1937 г. мальчик остался один. Они никогда больше не встретились. Ярослав Шумский был мобилизован и погиб в 1942 г. под Москвой.

Экстерминация

Шумский пишет протесты, реагирует на текущие события. Он напоминает о себе, он раздражает власть. Его не убили, как других соловецких узников из Украины в урочище Сандармох в Карелии. Но вскоре решили уничтожить как бы вдовгонку.

18 октября 1945 г. Шумский, услышав по радио выступление первого секретаря ЦК КП(б)У Никиты Хрущёва, пишет Сталину в прямом смысле слова судьбоносное письмо. Вот отрывок из него: «Люди малороссийского типа, о котором я имел случай говорить еще в 1926 году, всегда тянут раболепно-льстивую и вредную канитель о “старшем русском брате” и его помощи “младшему брату” – украинскому народу. На таком принципиальном фундаменте строится подчинение и угнетение одного народа другим, а не их союз и равенство.

Но Никита Хрущёв в своем малороссийско-лирическом экстазе... забыл о благодарности украинского народа русскому и за что же? Оказывается, за ясный ум, стойкий характер и твердую волю русского народа... Это оскорбительно и унижительно для украинского народа.

Что же тогда представляет собой народ, от имени которого это говорится – украинский народ?..

Да за эту речь Никиту Хрущёва надо немедленно прогнать с его поста. Это оскорбление чести и достоинства украинского народа, это позор... Это линия национально-политической кастрации украинского народа. Линия превращения Украины в политически аморфное тело – в Малороссию.

Против этого я поднимаю свой голос протеста».

Послевоенный культ Сталина достигает апогея, а Шумский протестует. Он мог молчать, но не молчал. Когда ему разрешили выехать в Саратов, Шумский в знак протеста пытался дважды покончить жизнь самоубийством – 16 и 18 июля 1946 г. Спецслужба расценила это как вызов и политический протест. Кроме того, откуда-то у чекистов появились сведения (неподтвержденные впоследствии), что Шумский формирует вокруг себя оппозицию.

23 августа 1946 г. глава госбезопасности СССР Виктор Абакумов в записке на имя Сталина попросил согласия на ликвидацию Шумского (на этой ликвидации больше всего настаивали Георгий Маленков и Лазарь Каганович). На записке, которая хранится по сей день в Москве, примечание: «Доложено т. Сталину лично. Наше предложение утверждено». Павел Судоплатов разработал план ликвидации Шумского (называлось это «План операции “Хорек”»), который Абакумов утвердил 6 сентября 1946 г.

Тем временем Шумскому, наконец, разрешили вернуться в Украину, о чем он мечтал все годы неволи. Это было последнее его путешествие. Судоплатов и члены спецгруппы вошли ночью в купе, в котором ехал Шумский. Ему зажали рот, а известный врач-убийца из МГБ Г. Майрановский сделал смертельный укол.

Так закончил свой жизненный путь нарком Александр Шумский в империи «позитивного действия». Судьба этого бывшего боротби-ста свидетельствует, что не следует создавать иллюзий относительно упомянутой империи. Ее «позитивное действие» было весьма ограниченным и подчинялось безжалостной политической конъюнктуре.